

На вопросы главного редактора журнала «Закон» Александра Верещагина и шеф-редактора Владимира Румака отвечает **доцент кафедры гражданского процесса МГУ имени М.В. Ломоносова Татьяна Константиновна АНДРЕЕВА**

ВЕРХОВНЫЙ СУД ДОЛЖЕН ЗАНИМАТЬСЯ НЕ ИСПРАВЛЕНИЕМ СУДЕБНЫХ ОШИБОК, А ВЫРАБОТКОЙ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ

Родилась в г. Сергиевом Посаде Московской области 30 мая 1951 г.

В 1977 г. с отличием окончила юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1980 г. — аспирантуру этого же университета, защитив в 1981 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В 1981–1985 гг. занималась научно-преподавательской деятельностью в Мордовском государственном университете и в МГУ имени М.В. Ломоносова.

В период с 1985 по 1993 г. работала в Совете по делам религий при Совете Министров СССР, в юридическом отделе Управления делами Совета Министров СССР, в Министерстве юстиции РФ.

С 1993 г. и до момента упразднения в августе 2014 г. работала в Высшем Арбитражном Суде РФ. Возглавляла Управление совершенствования законодательства ВАС РФ. В 1996 г. назначена на должность судьи ВАС РФ. С 2000 г. — член Президиума ВАС РФ, в 2006–2007 гг. — председатель судебного состава. С 2007 по 2014 г. —

заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ.

С 1998 г. по наст. вр. осуществляет преподавательскую деятельность на кафедре гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат юридических наук. Имеет более 100 научных публикаций по проблемам судостроительства, гражданского и арбитражного судопроизводства, законодательства об исполнительном производстве и др.

Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Награждена орденом Почета. Имеет благодарность Президента РФ за вклад в развитие законодательства о судебной системе. Награждена Почетной грамотой Президента РФ за активное участие в подготовке проекта Конституции РФ. Участвовала в разработке законодательства об арбитражных судах, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также Кодекса судейской этики. Заслуженный юрист Российской Федерации.

— Последние изменения в процессуальном законодательстве связаны в том числе с появлением новых кассационных судов общей юрисдикции и полноценной апелляции. Суды общей юрисдикции восприняли систему, сформировавшуюся в арбитражных судах. А почему в свое время арбитражные суды решили прийти к такой четырехзвенной системе?

— Мы в системе арбитражных судов в бытность ВАС РФ тоже прошли период, когда в одном суде были сосредоточены первая инстанция и апелляция. Поначалу казалось, что это хорошо с точки зрения доступности правосудия, но со временем минусы перевесили плюсы. Мы, кстати, обращали внимание Верховного Суда на эти проблемы, когда в судах общей юрисдикции только вводилась апелляция, но еще не были организованы отдельные апелляционные и кассационные суды.

Апелляционная инстанция организационно не была никак обозначена, и стороны не верили в эффективность такой апелляции. Судьи одного суда проходили ротацию, и на месте судьи апелляционного суда мог оказаться тот, кто вчера рассматривал дела в первой инстанции, и наоборот. Естественно, при такой ситуации сложно было добиться восприятия апелляционной инстанции как полноценной, что чувствовали и стороны. В то время еще не было принципа последовательного обжалования, и стороны зачастую просто игнорировали апелляцию, сразу обжалуя решения в кассационном суде.

В целом же апелляционная инстанция показала свою эффективность, в особенности в части установленных для сторон гарантий. Единственное, за что ее ругали и тогда, и сейчас, — за невозможность направления дела на новое рассмотрение в первую инстанцию. Бывают ведь ситуации, для решения которых это необходимо. Исключением здесь разве что была ситуация с нарушением правил о подсудности, когда под воздействием практики КС РФ и Верховный, и Высший Арбитражный суды предусмотрели возможность направления дела на новое рассмотрение.

— Теперь, как известно, и эта возможность ограничена оценкой поведения стороны: в последних постановлениях Пленума¹ Верховный Суд выразил

позицию, заключающуюся в том, что, если о нарушении норм о подсудности сторона не заявляла ранее, суд вправе отказать в отмене решения на этом основании.

— Эта позиция была сформирована Верховным Судом еще раньше — в постановлениях Пленума по апелляции и кассации 2012 г.² В них же было сказано, что нарушение правил подсудности — это не такое нарушение процессуального закона, которое в любом случае влечет отмену судебного решения, т.е. не является безусловным основанием для отмены решения, но оно может являться основанием для отмены при условии, что у стороны не было возможности заявить о таком нарушении в первой инстанции.

— Не идет ли такое толкование вразрез с позицией Конституционного Суда?

— На мой взгляд, это как минимум не соответствует той позиции, которую установил КС, потому что неважно, была возможность заявить или нет, — мы в таком случае допускаем рассмотрение дела тем судом, которому оно неподсудно, и перекладываем риски этого на сторону. Верховный Суд тем не менее считает, что здесь нет нарушения норм о законном суде. Я понимаю, что так он хочет отсеять случаи злоупотребления этим правом — те, что принято называть «запоздалой активностью» стороны, и тут действительно сложно установить, имело место добросовестное заблуждение или злоупотребление стороны. Но, как мне кажется, здесь нужно было оставить больше места для судебного усмотрения.

ального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», п. 37 Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», п. 28 Постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции». — *Прим. ред.*

² Постановления Пленума ВС РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», от 11.12.2012 № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (утратили силу). — *Прим. ред.*

¹ См.: п. 56 Постановления Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессу-

Все-таки в таких вопросах определяющими должны быть гарантии прав сторон, а не забота о судебной нагрузке.

Я внимательно слушала выступление В.М. Лебедева на Совете судей, прошедшем в конце мая. Он опять вспомнил о тех изменениях, которые предполагались к введению в первой редакции печально известного 451-го закона и от которых впоследствии отказались. Вы наверняка помните их. Самыми известными были отказ от мотивировки судебного решения по умолчанию и введение договорной подсудности. Вячеслав Михайлович сказал, что, может быть, надо к ним вернуться, проанализировав, в каких делах возможно реализовать отказ от мотивировки. То есть мы видим, что идея борьбы с судебной нагрузкой за счет минимизации процессуальных гарантий жива.

— Почему бы не бороться с нагрузкой путем повышения размера госпошлины?

— Я категорически против такого пути. Во-первых, госпошлина никогда еще никого не останавливала и для большинства не будет препятствием. А для физических лиц и малоимущих все равно установят пониженные ее размеры и льготы.

К тому же никаких экономических предпосылок для повышения нет. Мы уже оплатили работу суда через налоги.

Во всем мире отсекающую роль для подачи обосновательных исков играют не столько госпошлины, сколько оплата услуг представителей. В структуре судебных расходов они составляют значительную долю.

— Какую роль тогда играет госпошлина за обращение в суд?

— Исключительно фискальную — это средство пополнения бюджета. Неслучайно нормы о госпошлине уже давно находятся в Налоговом кодексе.

Бесспорно, нужно искать пути снижения судебной нагрузки, но не за счет снижения гарантий прав участников процесса.

— Но ведь купирование процесса — это не сугубо отечественная тенденция. Упрощение производства — общий тренд.

— Верно. И везде есть так называемые суммарные дела, разрешаемые без вызова сторон. Так что тренд, действительно, универсальный. Но основных процессуальных гарантий он все-таки не касается. Мне вообще не нравится выражение «борьба с нагрузкой». Учитывать нагрузку и использовать зарубежные наработки для этого можно и нужно, но целенаправленно бороться с нагрузкой и делать это в качестве одной из основных целей процессуальной реформы считаю неправильным.

Можно, например, развивать упрощенные процедуры, применяемые по согласию сторон, примирительные процедуры, которые, к сожалению, не очень активно развиваются.

— А если хотя бы бороться с нагрузкой в высших судах? Ведь у нас и так достаточно инстанций, зачем перегружать Верховный Суд, который, по идее, должен заниматься выработкой правовых ориентиров для нижестоящих судов?

— А у нижестоящих судей есть возможность смотреть на эти ориентиры? Я отслеживаю практику гражданской и экономической коллегий Верховного Суда и могу сказать — судьи допускают одни и те же ошибки, свидетельствующие о том, что за позициями высшего суда они не следят. Некоторые прямо пишут, что у нас не прецедентное право, и поэтому позиции по конкретным делам для суда необязательны.

— В прошлом году Пленум Верховного Суда в своем постановлении по кассации определил, что нарушение единообразия судебной практики является одним из оснований для отмены решения. Может быть, это даст толчок к тому, чтобы на позиции Верховного Суда обращали больше внимания?

— Вопрос на самом деле в том, насколько велик авторитет этих решений. Его надо завоевать. Это значит, нужно на них ссылаться и добиваться, чтобы и кассационные суды делали ссылки на эти решения. А у нас даже внутри Верховного Суда коллегии принимают порой диаметрально противоположные решения.

— Хотя, когда упраздняли Высший Арбитражный Суд, в первую очередь как раз говорили о необходимости единообразия практики высших судов. Получается, что этой цели достичь не удалось.

— Теперь об идее обеспечения единообразия практики говорят меньше, чем тогда, и это отнюдь не связано с тем, что Верховный Суд преуспел в этом.

Хотя в недавнем своем выступлении Вячеслав Михайлович Лебедев отметил, что в 2020 г. Верховный Суд принял 12 постановлений Пленума, содержащих свыше 400 правовых позиций по вопросам правоприменения, и утвердил 16 Обзоров судебной практики, которые также содержат более 400 правовых позиций, чем обеспечил единообразие практики. Но, во-первых, мне непонятно, как они это посчитали и что подразумевается под правовой позицией. Раньше Президиум Высшего Арбитражного Суда указывал, к примеру, что позиция, сформулированная в конкретном деле, является обязательной при разрешении аналогичных дел. Тогда можно было четко определить, где так называемое практикообразующее решение, а где нет. Ни в одном из постановлений Верховного Суда такой оговорки нет. Во-вторых, как эти позиции реализуются — тоже большой вопрос. Нужно самим определиться, чего стоят эти решения.

В Президиуме Верховного Суда при этом рассматриваются единичные дела — всего несколько в год. Были года, когда экономические споры туда вообще не попадали. Вместе с тем с учетом тех разногласий при разрешении конкретных дел, которые возникают в гражданской и экономической коллегиях, Президиум Верховного Суда мог бы обеспечить единообразие практики хотя бы в этой части, если бы работал более активно.

Помню, при передаче в Президиум Высшего Арбитражного Суда дел на пересмотр вообще не ставилось вопроса об отмене судебного решения — основным мотивом передачи в надзор было как раз нарушение единообразия судебной практики. Тройки, передающие дела на пересмотр, могли даже не возражать против решений по тому делу, которое они передают. Главное, чтобы не было «рязанской, казанской» юстиции и т.п. — чтобы оправдывались разумные ожидания сторон.

При этом Президиум мог рассматривать по несколько сот дел в год. Был запрос на постоянное увеличение числа таких дел, и в этих целях даже обсуждали идею создания двух палат внутри Президиума — по частному и публичному праву.

— Почему в итоге отказались от этой идеи?

— Основным мотивом было то, что чистые цивилисты без учета публично-правовой материи все равно не примут взвешенное решение, и наоборот: если рассматривается какой-то налоговый спор, выработанная в итоге конструкция может стать серьезным вызовом для гражданского права. Поэтому мы пришли к выводу, что нельзя рассмотреть публично-правовой спор и выработать правовую позицию по нему для нижестоящих судов без учета каких-то гражданско-правовых особенностей и наоборот. И то, что на обсуждение дел в Президиуме порой уходил час и более (какие споры при этом были!), и то, что решения порой принимались с перевесом в один-два голоса, красноречиво подтверждают эти опасения.

Сказать, что единообразие обеспечивается только за счет постановлений Пленума, было бы неправильно. Все-таки абстрактное толкование без привязки к конкретике. Поэтому исключать работу надзорной инстанции в этом направлении я бы не стала.

Тем более что решения коллегий порой выносятся с достаточно скупой мотивировкой, а логика различных решений в разных коллегиях остается туманной. Возьмем хотя бы те же самые корпоративные споры — они сейчас рассматриваются и в арбитражных судах, и в судах общей юрисдикции по правилам АПК, в зависимости от вида корпорации, поскольку в свое время у арбитражных судов забрали корпоративные споры с участием некоммерческих организаций. Где судам общей юрисдикции взять ориентиры для разрешения этой новой для них категории дел? Пленум дает лишь общие подходы. Есть масса вопросов, ответы на которые остаются непонятными, например: можно ли применять по аналогии общие положения АПК или же руководствоваться ГПК при рассмотрении судами общей юрисдикции корпоративных споров? И если одни и те же споры в результате получают разное прочтение в гражданском и арбитражном процессе — с этим как раз должен разбираться Президиум.

То же касается и административных дел — одни и те же по сути дела рассматриваются и в экономической, и в административной коллегии.

|| Получается: довод, что если высший суд один, то и проблем с единообразием нет, — ложный.

— А действительно ли он один? Организационно, может быть, так и есть, однако в нем уместается несколько разных инстанций.

— Если бы эти инстанции можно было организационно отделить, тогда хотя бы было понятно, кто принимает решение о передаче дела на пересмотр. Сейчас же, например, подается желоба просто в Судебную коллегию, и непонятно, кто и как в итоге принимает решение — передавать дело на рассмотрение или нет.

— Сейчас ситуация усложнилась еще и тем, что теперь, кроме коллегии, решение о передаче дела для пересмотра может принять Председатель Верховного Суда или его заместители. Причем, как оказалось, отказ одного из заместителей вовсе не означает невозможность передачи дела, если обратиться к другому. Как раз недавно с этим был связан скандал в одном из дел, когда сначала председатель экономической коллегии И.Л. Подносова отказала в передаче дела на пересмотр, а затем заместитель Председателя Верховного Суда П.П. Серков все-таки дело передал.

— Этот механизм мне очень не нравится. Несмотря на то, что Конституционным Судом данная стадия рассматривается как дополнительная, обеспечивающая правильное разрешение дела, здесь страдает правовая определенность. Ведь над другой стороной будет висеть дамоклов меч возможной отмены.

Никакой иерархической подчиненности у заместителей Председателя Верховного Суда нет, и получается — добиваться передачи на пересмотр дела можно очень долго, обращаясь поочередно к каждому из них. Если это так, нужно такой механизм предусмотреть прямо в законе. Тем более что, как показала практика, передача на пересмотр возможна уже по истечении установленного законом срока обращения в суд, т.е. установленные сроки для самих заместителей Председателя не действуют. Это богатая почва для злоупотреблений и неоправданной дискреции,

из-за чего мы в свое время отказались от института протеста.

— Как Вы думаете, чем вообще должен больше заниматься Верховный Суд — выработкой правовых позиций или исправлением ошибок нижестоящих судов?

— Давно надо было отказаться от рассмотрения дел Верховным Судом по первой инстанции — это не его уровень, какое бы значение рассматриваемые дела ни имели. К тому же это подрывает авторитет других судов, создается впечатление, что они не готовы рассматривать такие дела по первой инстанции.

|| По моему глубокому убеждению, и Судебные коллегии, и Президиум Верховного Суда должны заниматься не исправлением судебных ошибок, а выработкой правовых позиций, обеспечением единообразия судебной практики для достижения правовой определенности, разумной обоснованности судебных решений.

Хотя в постановлениях Пленума по кассации, которые были приняты в прошлом и в этом году, говорится, что деятельность суда кассационной инстанции (а значит, и второй кассации) направлена на исправление судебных ошибок. Но тогда получается, что ни в апелляции, ни в кассации ошибки исправить невозможно. На мой взгляд, это ненормально.

|| Если оставить организацию Верховного Суда как есть, то выработкой правовых позиций будет заниматься только Президиум в порядке надзора. Но тогда получается, что в отношении гражданских дел и экономических споров эта функция не выполняется, потому что в Президиуме рассматривается всего одно-два таких дела в год.

Правда, Председатель Верховного Суда заверил, что весь Верховный Суд этим занимается. Если так, то он и должен через Судебные коллегии вырабатывать правовые позиции, по сути подменяя собой Президиум.

По статистике, за прошлый год в гражданскую коллегию поступило более 50 тыс. жалоб и более 30 тыс. — в экономическую коллегию. Рассмотрено примерно 500 дел в первой и более 400 дел — во второй. С точки

зрения обеспечения единообразия судебной практики это очень мало.

— **Но ведь, к примеру, верховные суды в англосаксонских странах рассматривают еще меньше, хотя они озабочены только обеспечением единообразия практики.**

— Да, но ведь и далеко не каждое дело, которое рассматривается Судебной коллегией нашего Верховного Суда по существу, назовешь практикообразующим, хотя есть среди них и очень серьезные судебные акты.

Все-таки, если бы коллегии занимались не исправлением судебных ошибок, а выработкой правовых позиций, даже имеющееся количество дел уже могло бы сыграть совершенно другую роль в единообразии практики.

— **А как Вы относитесь к существованию двух кассационных инстанций? Я, к примеру, не нашел аналогов этого в мире. Причем, как правило, кассация сосредоточена в высшем суде.**

— Мне наша нынешняя система непонятна. Лучше, если бы кассация была одна, а Верховный Суд — сосредоточен на надзоре (хотя мне это слово не нравится) с выработкой правовых позиций и их широким обсуждением.

Можно было бы сосредоточить кассацию и в Верховном Суде, как в других странах, но тогда должен активнее работать Президиум.

— **А может, значение имеет еще и доступность правосудия? Одно дело Франция или Великобритания, где каждый может попасть на заседание Верховного суда в силу относительной близости столицы. И другое дело приехать в Москву из отдаленных регионов России, чтобы изложить свою позицию, — это гораздо сложнее. В таком случае сосредоточение кассации в высшем суде может поставить серьезные барьеры для некоторых участников процесса.**

— Наверное, для России это имеет значение. Я хорошо помню, когда создавались окружные арбитражные кассационные суды — их местоположение выбирали именно с учетом территориальной и орга-

низационной доступности. Кроме того, учитывался и фактор обеспеченности кадрами, а значит, наличие научных центров. Но самый главный фактор, который учитывали, — это транспортная доступность и связь.

— **Рассматривались ли при этом какие-то другие варианты судоустройства арбитражных судов? К примеру, отвязать первую инстанцию от субъектов Федерации. Вообще, были ли варианты с количеством инстанций?**

— Была принята самая логичная структура: первая, апелляционная инстанции (апелляция была тогда в субъекте Федерации), кассация, надзор. Но тогда решался еще и политический вопрос, ведь надзорные полномочия были и у республик.

В первый раз закон об арбитражных судах в Совете Федерации отклонили, потому что в то время Совет Федерации состоял из глав регионов. Они тогда задали вопрос: какому органу власти эти суды будут соответствовать? Помню, как В.Ф. Яковлев ответил: никакому, в этом идея — чтобы не было влияния органов исполнительной и законодательной власти на процесс назначения судей и какого бы то ни было вмешательства, давления, вольного или невольного, на суды. Регионы не были готовы к этому. После второго рассмотрения с образованием согласительной комиссии было сохранено главное — надзорные полномочия сосредоточили только в одном суде, в ВАС РФ. Это, кстати, было сделано в том числе и с целью обеспечить единообразие практики.

— **А территориальный фактор можно компенсировать за счет использования современных технических средств, таких как видео-конференц-связь?**

— Думаю, для арбитражных судов это не проблема. Второй механизм преодоления удаленности — образование постоянных судебных присутствий, когда судебные составы находятся в удаленных регионах.

Можно было бы в дальнейшем использовать и опыт зарубежных стран, например Голландии, где доступ к использованию видео-конференц-связи предоставляют почтовые учреждения, а у нас мог бы МФЦ. Кроме того, уже сейчас можно участвовать в заседании арбитражного суда удаленно, через суды общей

юрисдикции, что очень хорошо, потому что во многом снимается вопрос с территориальной доступностью арбитражного правосудия — не нужно ехать в столицу региона.

Остается острым вопрос доступности кассационных судов общей юрисдикции, учитывая состав участников. Надеюсь, с помощью современных технологий и этот вопрос удастся решить.

— Нужна ли вообще явка сторон в Верховном Суде, если он будет сосредоточен только на выработке правовых позиций?

— Теоретически без сторон можно и обойтись, но, вспоминая заседания Президиума, я не стала бы исключать выступления участников. Здесь важно само участие, возможность что-то уточнить у сторон.

— Часто ли поведение сторон влияло на конечный результат при рассмотрении дел в Президиуме ВАС? Часто ли судей переубеждали в процессе?

— Во-первых, позиция к заседанию формировалась только у состава, передавшего дело на рассмотрение, — ее представлял докладчик. Для судей, которые участвовали в заседании, эта позиция была обсуждаемой.

Во-вторых, позиции сторон бывали тоже довольно значимыми. Я не говорю о переубеждении, но часто стороны приводили серьезные аргументы, которые выслушивали, и они могли повлиять на судебное решение.

В письменной позиции часто просто невозможно отразить все аргументы. А позицию второй стороны мы вообще не знаем до заседания, поскольку ей не направляли копию надзорного обращения. И фактически вторая сторона узнавала о передаче дела в Президиум только после появления определения. Не всегда удавалось своевременно отреагировать на это, зато всегда была возможность донести свою позицию на заседании Президиума.

— На каком этапе обычно формируется убеждение судей? Всегда ли у члена Президиума ВАС, который не являлся докладчиком, была возможность детально ознакомиться с делом до заседания?

Ведь за одно заседание доводилось рассматривать по 10–12 дел.

— Во-первых, судья-докладчик и содокладчик в любом случае были с делом знакомы. Плохо, что в Верховном Суде нет такой практики, особенно с учетом того, что в составе Президиума практически нет специалистов по экономическим спорам.

Другие судьи при желании тоже могли ознакомиться с материалами дела, поскольку рассылка по повестке следующего заседания осуществлялась за неделю до него. Кроме того, к определению о передаче дела в Президиум прилагались все судебные акты.

Выступление сторон и возможность задать им вопросы, чтобы прояснить позиции, также дополняли видение судей. Поэтому я и стою на том, что участие сторон важно сохранить даже на надзорной стадии, ведь далеко не у всех судей есть возможность детально ознакомиться с материалами дел, рассматриваемых в Президиуме.

— Давайте перейдем к одному из краеугольных камней судебного обжалования — к проблеме переоценки обстоятельств дела. Пленум подтвердил возможность суда кассационной инстанции проверить законность процедуры доказывания, что фактически может привести к переоценке обстоятельств. Как с учетом этого провести границу между проверкой законности и обоснованности?

— Неоднократно высшие суды подчеркивали, что суд кассационной инстанции не должен осуществлять переоценку обстоятельств дела. В законе сформулировано правило о том, что несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела может быть основанием для отмены решения. Конечно, грамотный юрист всегда скажет, что это нельзя приравнять к переоценке. Тем не менее выявление нарушения правил доказывания действительно часто путают с переоценкой доказательств судом. Если суд не реагирует на доказательства, представленные стороной, это является основанием для отмены решения. В законе все предельно ясно написано, а то, что на практике эти правила обходят, — это правоприменительные огрехи, с которыми надо бороться.

— А Вас не смущает, что основания для пересмотра в кассационной инстанции сформулированы

странно — в первой кассации они очень похожи на основания пересмотра в апелляции, а во второй — на надзорные?

— Ненормально то, что у нас две кассации. Первая в основном концентрируется на нарушении законности, а вторая — на существенных нарушениях, без устранения которых невозможно восстановить нарушенное право. И характер этого нарушения определяет судья, который рассматривает жалобу, т.е. это фактически вопрос усмотрения судьи.

Конечно, в постановлениях Пленума Верховного Суда частично эти вопросы освещаются — они дают некие ориентиры для того, что считать существенным нарушением. Но, безусловно, судьи, которые изучают жалобу, толкуют эти разъяснения тоже по-своему. Что такое существенность? Это понятие относительное. То, что кажется несущественным судье, может быть существенным для стороны.

Мы, кстати, долго не могли ввести в арбитражный процесс ни упрощенное, ни приказное производство, поскольку бытовало мнение, что нет простых дел в арбитраже, а сумма иска отнюдь не свидетельствует о том, что дело простое.

Лично я считаю, что существенность, если уж сохранять такое основание для пересмотра, должна раскрываться через единообразие практики, развитие права, формирование правовых позиций.

В противном случае любое дело, даже с самым незначительным, с точки зрения судьи, вопросом, нужно будет передавать на пересмотр при выявлении нарушений в толковании в нижестоящих инстанциях, притом не только процессуального, но и материального закона.

В таком случае можно будет отсеивать дела, по которым правовые позиции уже сформировались. К примеру, в бытность мою судьей Высшего Арбитражного Суда я нередко сталкивалась с жалобами налоговых органов, пытавшихся оспорить судебные решения по однотипным делам, по которым уже устоялась практика, даже если цена иска была незначительной. Вот такие дела нужно отсеивать, но не в связи с суммой иска, а в связи с тем, что они никак не могут повлиять

на сложившуюся практику, ведь жалобы подаются, как правило, для галочки. Ситуация с подачей таких жалоб, кстати, изменилась после того, как мы сами стали ссылаться на свои правовые позиции в отказных определениях. Плюс на это повлияла еще и открывшаяся возможность взыскания судебных расходов на представителей с бюджета.

Когда судьи при передаче дел на рассмотрение или отказе в такой передаче будут раскрывать, в связи с какой правовой позицией принято то или иное решение, для сторон и нижестоящих судов это будет сигналом о том, что данные правовые позиции обязательны при рассмотрении аналогичных дел.

— Каково Ваше отношение к институту процессуального эстоппеля? Не является ли он почвой для необоснованных ограничений в том же обжаловании?

— Смотря о каких процессуальных механизмах идет речь. Если рассматривать, например, вопрос о нарушении подсудности со стороны суда, то неважно, заявила сторона о нарушениях этих правил или нет. Это обязанность суда — разрешить вопрос о своей компетенции. Поэтому Конституционный Суд и рассматривал это нарушение как безусловное основание для отмены судебных актов в контексте ст. 47 Конституции. И, как мне кажется, в таких вопросах ограничивать возможность заявления о нарушениях для сторон неправильно.

А вот в других случаях запоздалая активность уже может быть расценена как злоупотребление. К примеру, когда в вышестоящих инстанциях заявляется ходатайство о назначении экспертизы. Тут, правда, нельзя наказывать сторону за добросовестное заблуждение, и в любом случае это вопрос усмотрения судьи.

— А если сторона заявляет новое правовое основание? Это можно расценить как запоздалую активность?

— Если это не новое требование, а дополнительная аргументация, ограничивать такие заявления не нужно. Неважно, какие аргументы представляет сторона, только суд в силу принципа *iura novit curia* определяет применимое право.

Другое дело, если сторона заявляет о неконституционности того или иного положения. Сейчас в таком случае суд фактически самоустраняется от вопроса оценки подобных аргументов и разрешает дело по существу, а уже потом, после прохождения всех ординарных инстанций, сторона может обратиться в Конституционный Суд для разрешения этого вопроса. Мне кажется, это хуже, чем та система, которая применялась ранее, когда суд имел право приостанавливать производство по делу с направлением запроса о конституционности той или иной нормы права в Конституционный Суд. Это свидетельствует о снижении уровня правовых гарантий прав сторон.

— Должны ли ординарные суды иметь возможность самим осуществлять толкование конституционных норм?

— Сейчас это невозможно в связи с известной позицией Конституционного Суда³, хотя мне кажется, что они все равно такое толкование осуществляют. Например, когда речь идет о ст. 46 Конституции о праве на судебную защиту. Недопустимость споров о подсудности есть не что иное, как толкование этой нормы. И любой суд может применить ее напрямую, приняв дело к своему производству, если имеется спор о подсудности.

Проблема в другом — один судья может посчитать норму противоречащей Конституции, а другой нет. И тогда суд, вместо того чтобы прояснить вопрос в Конституционном Суде, вынужден самоустраняться от его решения. Поэтому я за действовавший ранее механизм, когда суд мог приостанавливать производство с направлением запроса о конституционности в Конституционный Суд.

В целом же, когда не возникает сомнений в конституционности нормы, я не вижу препятствий в такой оценке со стороны ординарных судей.

Запрос в Конституционный Суд должен быть задействован только тогда, когда появляются сомнения. Каждый суд осуществляет применение Конституции.

— В последнее время Верховный Суд уделяет много внимания внедрению онлайн-правосудия, особенно на фоне пандемии. Какова Ваша точка зрения на расширение возможностей рассмотрения дел онлайн и внедрения искусственного интеллекта в правосудии?

— На мой взгляд, никакой робот не заменит судью.

Формализация, возможно, допустима, например при установлении правил доказывания, но при оценке доказательств все равно ключевую роль должен играть человеческий фактор. Без этого не может быть справедливого правосудия. У судьи должна быть совесть. Использование же новых технологий — хорошо, но только если стороны согласны. Ведь при этом может страдать та же самая непосредственность при оценке доказательств.

— Но в таком контексте и усечение мотивировки можно принять допустимым — ведь это тоже предлагалось внедрять с согласия сторон.

— С этим я не соглашусь. Без мотивировочной части решения нет. Это важно не только для сторон, но и для судей, для общества.❶

³ Постановление КС РФ от 16.06.1998 № 19-П.